

ПО ГЛАВНОЙ ЛИНИИ

Полковник Волков заметно выделялся среди сослуживцев: высок, статен, красив той зрелой, мужественной красотой, которая сражает наповал и юных дев, и дам бальзаковского возраста. Обильная седина густых, слегка волнистых волос и глубокие морщины на открытом челе ничуть не портили его облика, а только подчёркивали благородство и жизненный опыт их обладателя. Даже в политическом управлении округа, куда в те заповедные годы отбирали лучших из лучших офицеров-политработников, блистал Игорь Николаевич Волков своим умом и славился необычайно широким кругозором, умением говорить ясно и доходчиво, размашисто и афористично, поражая слушателей энциклопедическими познаниями в области отечественной истории и международных отношений, цитатами из трудов классиков марксизма-ленинизма и современной литературы. К тому же он, единственный, кроме члена военного совета – начальника политуправления округа генерал-лейтенанта Зинченко, обладал учёной степенью кандидата наук, только не исторических, как у генерала, а философских. По этой или по какой-то иной причине Волков пользовался особым расположением Зинченко, и мог без предварительной договорённости входить к нему в кабинет и удостаивался чести подолгу беседовать наедине. Прежде это удавалось только двум людям: первому заместителю Зинченко генерал-майору Плаксину да начальнику отдела кадров полковнику Фоменкову.

Личные выдающиеся качества Волкова, прослужившего в политуправлении чуть больше года, и непонятная благосклонность к нему старших начальников делали его среди сослуживцев человеком легендарным и даже в чём-то таинственным.

– Нашему Игорю Николаевичу, природённому златоусту, прямое место в ГлавПуре! Таких, как он, пропагандистов во всём Союзе по пальцам перечесть можно... Да, таких, как он, просто не найти! – переговаривались о нём товарищи после очередной лекции, прочитанной Волковым в окружном Доме офицеров, не переставая удивляться, как такой ценный «кадр» попал служить к ним, в «тыловой», третьеразрядный округ.

В самом деле, оказался Волков на Урале неожиданно. Свалился, можно сказать, как снег на голову в майский день, и сразу был назначен на только что открывшуюся вакансию лектора политуправления, на которую многие из местных идеологов давно нацеливались, да получили в связи с приездом Волкова от ворот поворот. Поговаривали, что с переводом полковника в Свердловск была связана какая-то история. Но вот какая? Этого никто не знал, кроме, конечно, генерала Зинченко и полковника Фоменкова. А те умели держать язык за зубами.

Капитан Федя Востряков, служивший в политуправлении старшим инструктором отдела комсомольской работы, смотрел на полковника Волкова как на явленный ему вдруг идеал настоящего мужчины и офицера. Волков вызывал в нём чувства, близкие по своему накалу к влюблённости. И потому Востряков взирал на полковника восторженно, слушал его выступления с особым вниманием, старался подражать его манере держаться, вскидывая высоко лобастую голову и то и дело распрямляя неширокие от природы плечи и сутуловатую спину.

При этом Востряков не только заговорить со своим кумиром, но даже подойти к нему стеснялся. Так продолжалось до тех пор, пока однажды он вместе с Волковым не попал в одну из групп штаба округа, отправленных для проверки итогов боевой и политической подготовки в отдалённый гарнизон, где дислоцировалась учебная танковая дивизия. Полковник Волков, естественно, был назначен в группе политработников старшим, а Востряков оказался у него на подхвате.

По приезде на место проверки полковник чётко распределил обязанности: он, Волков, будет писать отчёт о работе, а Востряков должен снабдить его всей необходимой информацией, иначе говоря, фактурой: где, сколько и когда совершено нарушений воинской дисциплины – самоволок, фактов неуставных взаимоотношений, употребления спиртных напитков и наркосодержащих веществ, кто из командиров эти нарушения покрывает и служит спустя рукава, а также – выполняется ли план политзанятий, как организована работа партийной и комсомольских организаций, спланирован ли досуг солдат, офицеров и членов их семей, ведётся ли военно-шефская работа...

От перечня задач у Вострякова даже голова закружилась, но, не желая ударить в грязь лицом перед полковником Волковым, он впрягся в работу и заматался по гарнизону как ужаленный, выискивая необходимую информацию о недоработках коллег.

Востряков рыл, как аппарат глубокого бурения, и нарыл! И приписки в книгах учёта дисциплинарных взысканий, и ненаписанные протоколы собраний военнослужащих, и случаи очковтирательства со стороны старших начальников, и грубость с подчинёнными, и бытовое пьянство... Фактуры оказалось столько, что Волков только удивлённо головой покачал. Закрывшись в гостиничном люксе, в котором его разместили, он за ночь написал такой акт проверки, что начальник политотдела Салыгин только за голову схватился:

– Не губите, Игорь Николаевич, меня же в Академию Генштаба поступать не отпустят... Я в этом году вызова жду... Обещаю, честью офицера клянусь – немедленно все недостатки устраним!..

Волков не был кровожадным человеком, и акт переписал, а благодарный начпо накрыл для проверяющих, как водится в таких случаях, поляну на берегу узенькой речки Камышловки, с шашлыком, коньяком и комсомольскими песнями под гитару, которые по случаю счастливо завершившейся проверки сам и исполнил.

Вечером в гостинице, будучи подшофе, Волков пригласил Вострякова «отлакировать» выпитое на пикнике – у него в холодильнике ещё одна бутылка коньяка оказалась. Они выпили. И Востряков дерзнул задать полковнику во-

прос, который давно волновал не только его самого, но и других офицеров политуправления:

– Товарищ полковник, Игорь Николаевич, а где вы служили до нас?

Волков снял галстук и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке:

– Во Львове, Федя. Начальником кафедры марксистко-ленинской философии в политическом училище.

– Вот это да! Кафедра марксизма-ленинизма! Так это же ведущая кафедра! С неё прямая дорога на старшего преподавателя в Академию имени Ленина, в Москву...

Волков усмехнулся:

– Бери выше, капитан! Мне прямая дорога в ГлавПур светила!

– И что?.. – округлил глаза Востряков.

Волков с ответом не торопился. Плеснул в рюмки коньяку и внимательно поглядел на Вострякова:

– А то, мой юный друг, что перевод не состоялся. Погорел я по главной линии.

– Это по какой по главной? – заёрзал Востряков.

Волков криво усмехнулся:

– По женской части...

Востряков воззрился на своего кумира с недоверием:

– Вы, Игорь Николаевич, и по женской части? Ни за что не поверю, товарищ полковник! Неужели аморалка?..

– Хуже!

– Да что же может быть ещё хуже? – уши у Вострякова покраснели.

– Идеологическая диверсия, капитан. Настоящая идеологическая диверсия...

Два года назад полковника Волкова вызвали на собеседование в Москву в Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского флота.

Предмет собеседования, хотя и не был обозначен в телефонограмме, от него не скрывался: Волков являлся кандидатом для назначения на высокую должность в управление пропаганды и агитации самого могущественного военно-политического ведомства, работающего по сути, как один из отделов ЦК партии. Знакомый офицер ГлавПура в частном разговоре проинформировал Волкова, что вопрос о его переводе в Москву практически решён и предстоящее собеседование – не более как формальность или, можно сказать, смотрины. Поэтому в вагон СВ поезда Львов – Москва Волков, надевший по случаю предстоящей встречи с высоким начальством специально пошитый и тщательно отутюженный китель, сел в самом радужном настроении.

До самого Киева он ехал один, предаваясь приятным размышлениям о будущей столичной службе и её дальнейших перспективах.

В столице советской Украины в купе впорхнула молодая особа неопределённого возраста. Даже опытный мужчина, каким Волков несомненно являлся, с трудом определит ту хрупкую грань, за которой современные представительницы прекрасного пола из весеннего возраста перебираются в летний,

а то и в осенний – настолько современная мода с этими мини-юбочками и брючками, косметика и краска для волос умело микширует все эти переходы.

Небрежно бросив сумочку на свою полку, она окинула Волкова быстрым, изучающим взором больших зелёных глаз, обладающих удивительной формой, слегка раскосых и широко посаженных на милом юном личике с лёгкими ямочками на упругих щёчках и пухлым чуть приоткрытым ротиком.

Она задорно поздоровалась и, не дожидаясь ответного приветствия, представилась:

– Меня зовут Софья. Можно просто – Софочка... – улыбнулась она, смешно наморщив аккуратный носик, и с чуть заметной хитринкой поглядела на оторопевшего от неожиданного напора Волкова. – Ой, простите, кажется, я нарушила нормы этикета: первым при знакомстве должен представляться мужчина...

– Волков, Игорь Николаевич. Для вас просто – Игорь... Рад знакомству, Софочка, – невольно повёлся Волков и не удержался от комплимента. – Удивительно, что современная молодёжь знает об этикете...

– Я знаю не только об этикете, – рассмеялась Софочка и тут же принялась рассуждать о новом снимающемся в Италии фильме Тарковского «Ностальгия», о стихах Мандельштама и Пастернака, об эмбарго США на импорт ливийской нефти и о высадке аргентинских войск на Фолклендские острова...

Полковник Волков находился в том, пограничном мужском возрасте, когда обаяние юности особенно чувствительно. Подивившись такой необычной эрудиции молодой спутницы, глядя на неё слегка замаслившимся взглядом, он по-павлиньи распушил перья и включился в диалог, демонстрируя все присущие ему лучшие качества – образную речь, всесторонние академические познания и железную логику.

Софочка задорно улыбалась ему, время от времени задавая интересные вопросы и вставляя в разговор меткие и ироничные замечания. Она была исключительно приятной собеседницей и демонстрировала Волкову чувство симпатии, а может быть, и чего-то большего...

Вечером они сходили в вагон-ресторан, расположенный по соседству, выпили шампанского, съели мороженого и вернулись в купе. Ещё немного поболтали и, пожелав друг другу доброй ночи, улеглись каждый на свою полку.

Утром их разбудил проводник, объявив, что поезд прибывает на Киевский вокзал. На перроне она весело помахала ему рукой и, грациозно, как цирковая лошадка, переставляя точёные ножки на шпильках, в считанные мгновения скрылась в толпе прибывших и встречающих.

Полковник Волков спохватился, что даже не попросил у Софочки номер телефона, глубоко вздохнул, как вздыхают о недостижимом или навеки утраченном и отправился напрямиком в ГлавПур.

Как и предупреждал его знакомый офицер, смотрины оказались простой формальностью. С Волковым благожелательно побеседовали начальник управления кадров и начальник управления агитации и пропаганды. Волкова провели по всем кабинетам и представили будущим сослуживцам. А ближе к вечеру он поехал на вокзал, откуда благополучно убыл во Львов.

Начальник управления кадров ГлавПура пообещал Волкову, что приказ не

заставит себя ждать. Но прошла неделя, затем вторая, а приказа всё не было. И тут Волкова неожиданно вызвали в особый отдел округа к генерал-майору Скрыге.

Начальника военной контрразведки Волков знал лично, так как несколько раз выступал у него в отделе с лекциями о международном положении. Однажды генерал удостоил его аудиенции у себя в кабинете и, поблёскивая золотом коронок, делавших его улыбку ослепительней, чем у цыганского барона, расчувствовавшись, напоил кофе с коньяком из небольшой старинной чашечки с изображённой на ней эмблемой НКВД.

На этот раз, стоя под портретом Феликса Дзержинского, Скрыга встретил Волкова официально, без улыбки. Сухо поздоровался, пригласил присесть.

Волков устроился сбоку длинного стола, торцом упирающегося в генеральский.

– Что же вы себя так подводите, товарищ полковник? – с какой-то жалостью в голосе спросил Скрыга, садясь в своё кресло.

– Извините, товарищ генерал-майор, не понимаю, о чём вы говорите...

– Да что тут непонятного. Мы, значит, согласовали ваше выдвижение в ГлавПур, а вы... – генерал сделал паузу, которой и воспользовался Волков:

– ...А я с успехом прошёл собеседование в Москве и жду приказа о назначении...

Скрыга нахмурился:

– Собеседование-то вы прошли. Это нам известно. А вот это что? – он извлёк из стола импортный портативный магнитофон размером с сигаретный блок, щёлкнул кнопкой, и из динамика раздался милый, с чуть заметной картавинкой голосок Софочки:

– ...Полагаю, нашим радиослушателям будет интересно узнать, что думает о партийном руководстве в СССР начальник кафедры марксизма-ленинизма одного из военно-политических училищ полковник Игорь Волков...

А затем раздался его, Волкова, голос:

– ...конечно, руководство страны нуждается в обновлении... Мир стремительно молодеет, а наши кремлёвские старцы не поспевают за ним и только вешают друг другу на грудь очередные Звёзды Героя, словно медалки за выслугу лет...

В груди у Волкова всё сжалось и похолодело. Да что там похолодело – вмиг покрылось инеем с палец толщиной. Он тут же вспомнил, что под шампанское рассказывал Софочке анекдоты про Генерального секретаря и верного ленинца, с трудом выговаривающего слово «систематически» так, что звучит оно у него как «сиськи-матиськи», и про то, что «напрасно враги распускают слухи, будто вместо руководителя страны в его правительственной машине возят чучело. Это всё неправда, ибо вместо чучела ездит он сам...». Ах, как она задорно смеялась в ответ...

Но запись с анекдотами генерал Скрыга демонстрировать не стал. Он, словно желая добить Волкова контрольным выстрелом в голову, ткнул в его сторону указательным пальцем:

– Вы хоть знаете, кому вы давали интервью?

– Да никакого интервью и не было... – Волков начал торопливо и путано

объяснять, что просто беседовал с попутчицей, и не было у неё никакого диктофона, и вообще она – студентка университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы – выдающегося борца за освобождение чернокожих...

Скряга сурово оборвал его:

– Это вы думаете, что просто беседовали со студенткой университета Патриса Лумумбы. На самом деле с вами в купе ехала Софья Гринбер, штатный сотрудник Моссада, подвигающаяся на ниве радиожурналистики. Она вполне профессионально раскрутила вас на неблагоприятные высказывания и политически близорукие заявления, способные нанести урон репутации нашей великой Советской Родины. Так что, гражданин Волков, вы вольно или невольно оказались втянутыми в идеологическую диверсию и приняли в ней самое непосредственное участие...

Услышав вместо привычного «товарищ полковник» обращение «гражданин», которое в устах особиста ничего доброго не предвещало, Волков побледнел. От осознания происшедшей катастрофы сердце у него сдавило. Он попросил стакан воды у генерала. Генерал плеснул ему в стакан воды из гранёного графина. Волков сделал несколько судорожных глотков и замер, ожидая решения своей участи.

Скряга между тем встал из-за своего стола, обошёл Волкова и уселся напротив, оглядел полковника пронизательным взором и неожиданно перешёл на товарищескую манеру разговора:

– Не знаю, в какой счастливой рубашке вы родились, Игорь Николаевич, но ваши идеологически невыдержанные откровения не дошли до адресата и не прозвучали в передаче «Голос Америки». Скажите спасибо, что органы госбезопасности успели перехватить сделанную Гринбер «закладку», и она не ушла за рубеж. Иначе говорили бы с вами в другом месте.

– Что же будет со мной, товарищ генерал-майор? Я же и предположить не мог, что она... агент... Обычная советская девушка... – только и выдавил из себя Волков.

Скряга изложил диспозицию так, как она виделась с высоты его положения:

– Ну, о Главном политическом управлении вам, Игорь Николаевич, придётся забыть. Надолго, если не навсегда. Я уже отозвал своё согласование и по своей линии ситуацию доложил. Простите великодушно, но – долг службы обязывает. Да вы и сами всё должны понимать. И с кафедрой вам тоже придётся распрощаться. Нас не поймут, если ведущую кафедру в высшем военно-политическом училище будет занимать офицер, как бы помягче сказать, не умеющий держать язык за зубами...

Волкову стало ясно, что на карьере придётся поставить крест:

– Мне что же, рапорт на увольнение писать?

Перемену в его настроении Скряга уловил сразу, как опытная гончая улавливает запах добычи:

– Это лишнее, товарищ полковник. И добрый конь на скаку оступается... Такими профессионалами, как вы, разбрасываться – непозволительная роскошь... – генерал побарабанил пальцами по столу. – А знаете, я в давних добрых отношениях с генералом Зинченко, членом военного совета на Урале.

Переговорю-ка я с ним... Может, отыщет вам местечко в Свердловске, у себя под крылом. Человек он умный и опытный, служить с таким одно удовольствие. Да и опорный край державы – это вам не наш «западэнский Львив». Урал окажет на вас благотворное воздействие... И ещё, считайте это моим дружеским напутствием: будьте осторожнее в высказываньях. Вторую ошибку вам не простят...

– Вот так я и попал на Урал... – полковник Волков умолк, а потом добавил, глядя прямо в глаза капитана Вострякова. – Надеюсь на вашу порядочность, Фёдор, прошу о нашем разговоре никому ни слова... И, поскольку у вас вся жизнь впереди, не считите за менторство, сами не окажитесь в подобной ситуации...

– Буду стараться, – пробормотал Востряков, и всё же не удержался ещё от одного вопроса. – Товарищ полковник, Игорь Николаевич, а почему же линия-то главная?

– Главная линия потому, что больше всего нашего брата именно на ней и сгорает синим пламенем.

Востряков вернулся в свой скромный номер и долго не мог уснуть, заново перебирая в памяти рассказ полковника, лучезарный образ которого в его глазах после услышанного несколько потускнел: «Вот, вроде бы умный, красивый, сильный человек, и так попал впросак... Тоже мне главная линия!.. Нет, со мной ничего подобного никогда не случится! А если и встретится на пути шпионка из Моссада, из ЦРУ или даже из «Ми-6», я ей ни за что на крючок не попадусь! Не зря же до политуправления секретарём дивизионного разведбата служил...».

Но «главная линия» всё же коснулась Вострякова. Неожиданно и совсем с другого бока. Жена его Лиза вдруг задумала – ушла к капитану из тылового управления округа. Спустя пару месяцев она подала на развод. Вскоре и суд состоялся, после которого Вострякову пришло письмо, извещавшее, что их брак расторгнут.

Вскоре Вострякова вызвал к себе полковник Фоменков и огорошил:

– Придётся вам, товарищ капитан, из политуправления уйти. У нас разведденцам не место.

Востряков съёжился, хотя Фоменков и пообещал:

– Переведём вас на равнозначную майорскую должность. Служить будете здесь же, в Свердловске, в политотделе спецчастей гарнизона. Вы же бывали там, на углу Восточной и Декабристов.

Кадровик не обманул. Вострякова вскоре назначили пропагандистом в спецчасти. И вроде бы должность равнозначная, и с неё в академию поступать можно, и город тот же, и квартиру ему с Лизой помогли разменять на две однушки в разных концах города, так что по общежитиям мыкаться не пришлось. Ан нет, дальнейшая карьера у Вострякова не сложилась. В академию он так и не поступил – разведенцев туда тоже не брали... Получив майора, на своём пропагандистском кресле так и дослужил до сокращения Вооружённых Сил. Совпало это с перестройкой, когда никто уже вопросом о сохранении «ценных кадров» не озадачивался. Написал рапорт – и гуляй! Радуйся, что по-

лучил выходное пособие и уволился не где-то в захолустье, а в столице Среднего Урала.

С полковником Волковым судьба свела Вострякова ещё раз, когда он поступил в заочную аспирантуру уральского госуниверситета и на кафедре философии готовил к защите кандидатскую диссертацию на тему: «Генезис феномена женской неверности от матриархата до наших дней».

Волков к тому времени тоже уволился из армии и состоял в учёном совете университета. Он вызвался быть у Вострякова официальным оппонентом, и на защите, которая прошла блестяще, бросил в корзину бывшего сослуживца свой белый шар. Что в общем-то и не удивительно: линия научного поиска была выбрана главная...

2021

НОЧНЫЕ ПАРЛАМЕНТЁРЫ

Подполковник, командир группы ГРУ – главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР, откликнувшийся на имя-отчество Василий Петрович, заглянул в штабную мазанку горно-пехотного батальона после ужина.

Обменявшись коротким и крепким рукопожатием с комбатом, майором Игнатенко, он сказал:

– Сергей Алексеевич, пошептаться надо. Тэт-а-тэт...

– Сейчас организуем, Василий Петрович, – отозвался Игнатенко и приказал дежурному связисту: – Сходи покури!

В просьбе ГРУшника ничего необычного не было: служба секретная, действующая по ленинскому принципу: «Конспирация, конспирация и ещё раз конспирация, товарищи!».

Подполковник и пятеро его подчинённых: офицер, прапорщик и трое срочников: переводчик – таджик, водитель БТР – молдаванин и связист – сибиряк – в гарнизоне у Игнатенко даже размещены были в отдельно стоящей мазанке. И питались они самостоятельно, и контактов с личным составом батальона всячески избегали, общаясь только с Игнатенко и начальником штаба батальона капитаном Тетеркиным. Ходили обычно Василий Петрович и его подчинённые в «афганках» без знаков различия, все отпустили себе бороды и загорели до черноты. Появки таким чалму или напяль на голову шапку-моджахедку – и от «духов» просто не отличишь. Они и вели себя, как «духи». Среди ночи срывались с места и, оседлав свой БТР, уезжали неведомо куда, или уходили в ночь поодиночке и возвращались, пока весь гарнизон ещё спал, за исключением дежурных служб, конечно. Так же, в темноте, которая здесь, в горах, наваливается внезапно, как диверсант на зазевавшегося часового, к ним почти каждую ночь на КПП приходили какие-то таинственные визитёры, завернутые в длиннополые одежды с головы до ног. Их обычно встречали сам Василий Петрович или майор, его заместитель, и уводили в свою мазанку, о чём-то беседовали, и спустя несколько часов провожали за ворота гарнизона, где эти визитёры мгновенно растворялись в чернильной темноте.

Однажды стоявший на часах солдат из восьмой роты доложил Игнатенко, что у такого визитёра, когда он проходил мимо него, выпала на землю пачка афгани, которую тот тут же поднял и ловко спрятал под одеждой. А шедший за ним следом Василий Петрович приложил палец к губам, а затем погрозил часовому, дескать, об увиденном молчи.

«Помощнички-то у Василя Петровича не бескорыстные... По идейным соображениям никто помогать шурави не хочет! Разве что те, кто сам от душманов пострадал...» – догадался Игнатенко.

Результатами разведдательности группы Василя Петровича, у которого была любимая присказка: «Война план покажет», он, к слову, довольно успешно пользовался в своей боевой работе – практически все разведанные по близлежащим кишлакам реализовывались именно через его батальон. Да и как иначе? Во всей провинции Саманган батальон Игнатенко – единственная боевая единица советских войск. В своей зоне ответственности, от Ташкургана до перевала Мирза-Атбели, батальон охранял трассу: Хайратон – Кабул, обеспечивал работоспособность проходящих здесь двух ниток трубопровода, по которым под высоким давлением подавались бензин, авиакеросин и дизтопливо, и в целом Игнатенко со своими подчинёнными поддерживали зыбкий мир и относительную безопасность на этом участке испокон века немирной и небезопасной земли. Это осознавали и местные власти, назначенные Наджибуллой, и противостоящие им банды моджахедов, поддерживаемые недругами СССР, понимали это, и сам Игнатенко, и, конечно, Василий Петрович.

Надо заметить, что зона ответственности выпала Игнатенко непростая. Территория провинциального центра Айбак – столицы провинции Саманган – занимала достаточно большую площадь в долине одноимённой реки. К югу от Айбака начиналось тридцатикилометровое ущелье Дарай-Зиндан. По его дну текла река Саманган, а с обеих сторон ущелья высились отвесные четырёхсотметровые скалы. Вдоль упомянутой реки, там, где ширина ущелья позволяла, располагались зелёнка и кишлаки. Закон Афгана неизменен: где есть вода, там есть растительность и жизнь.

Военная обстановка в провинции летом 1983 года была крайне напряжённой. Из всех населённых пунктов один только Айбак контролировался правительственными войсками и царандоем, но и он только в центральной своей части. Остальная территория находилась под контролем разных бандформирований, которые выходили поживиться и на трассу Хайратон – Кабул, и к трубопроводу. После их обстрелов наливников и трубопровода то там, то тут вспыхивало красное пламя, видимое на десяток километров. Но ещё больше хлопот приносили диверсии с целью наживы – душманы в светлое время суток подкрадывались к трубе, ручными свёрлами делали в ней отверстия, затыкали их деревянными пробками-чопиками, а по ночам извлекали затычки и наливали горючее в канистры. Не раз и не два бойцы Игнатенко, поднятые по тревоге или заблаговременно предупреждённые ГРУшниками, захватывали караваны по тридцать и более верблюдов, нагруженных заполненными горючим канистрами.

Бандформирования с завидной регулярностью нападали на колонны и на

сам гарнизон. Особенно дерзким был главарь Вакиль Дивана, чья банда хозяйничала в зелёнке в непосредственной близости от места дислокации батальона. Душманы донимали Игнатенко, обстреливая территорию гарнизона не только из стрелкового оружия, но и из миномётов. Кличка у этого борца за веру говорила сама за себя: Дивана на дари обозначало – юродивый, а проще говоря – сумасшедший. Этого безбашенного главаря даже сами афганцы не любили, побаивались и называли меж собой беспредельщиком.

Но кроме шайки Дивана в ущелье и других банд было видимо-невидимо: у каждого кишлака – своя банда. Они практически ежедневно совершали диверсии на трубопроводе и нападения на колонны. Действовали неожиданно и умело. Совершив налёт, тут же возвращались в свои кишлаки, где сразу же превращались в мирных дехкан, улыбающихся «шурави» и с благодарностью принимающих от них гуманитарную помощь в виде мешков с мукой и сахаром. Достать этих перевёртышей, выковырять их из родных кишлаков никак не получалось. Хотя по наводке того же Василия Петровича проводились несколько раз войсковые операции, но толку от них не вышло никакого. Пока роты Игнатенко шли с двух сторон поверх каньона, а батальоны афганской армии прочёсывали кишлаки на дне ущелья, моджахеды через кяризы и тайные тропы каждый раз заблаговременно уходили и прятались по пещерам. Оттуда их и бомбоштурмовыми ударами выкурить не представлялось возможным, и никакими ухищрениями ГРУшников выманить не удавалось.

И всё же работа разведчиков в условиях постоянного враждебного окружения была просто незаменимой. Игнатенко, понимая это, поддерживал дружеские отношения с их командиром и сам, похоже, вызывал в нём такие же добрые чувства.

Василий Петрович по возрасту и воинскому званию был старше Игнатенко, но подчёркнуто относился, как к равному, а в служебных вопросах – как к начальнику гарнизона.

Вот и на этот раз, когда они остались с Игнатенко наедине, Василий Петрович заговорил по-дружески и без обиняков:

– Сергей Алексеевич, вот такое дело: надо нам с тобой съездить на переговоры. На меня через моего человека вышли главари трёх банд, которых этот бешеный Вакиль Дивана тоже достал. Они хотят, чтобы мы совместно его потрясли. Обещают его загнать в ущелье, а тебе надо будет по нему сверху ударить.

– Что же получается, Василий Петрович: мы на стороне «духов» должны будем воевать? Исполнять желание одних бандитов по устранению другого?

– А нам какая разница? Всё равно, на стороне «духов» или самостоятельно, главное – этому Вакилю хвост прищемить!

– Ну, прищемим ему хвост, а что дальше?

Василий Петрович усмехнулся:

– Война план покажет! Если всё у нас с тобой получится, главари обещали отправить делегацию в Ташкурган и договориться с тамошними бабаями, чтобы они не обстреливали больше наши колонны и не трогали трубопровод в твоей зоне ответственности.

Игнатенко поскрёб затылок. То, что говорил ГРУшник, было актуальным

и переключалось с задачей, которую вчера поставил перед ним комполка – больше работать с местным населением и постепенно начать договариваться с руководителями бандформирований во избежание ненужных жертв с обеих сторон.

– Когда поедем, Василий Петрович, сегодня? – спросил он.

Грушник замялся:

– Понимаешь, Сергей Алексеевич, тут есть одна особенность... Нам надо будет выехать с тобой ночью. На твоём бронетранспортёре. Место встречи я укажу дополнительно. Вернее, я пока его сам не знаю. Нам надо будет двигаться по трассе. С правой стороны трассером укажут место, где нас будут ждать. Там и остановимся. На переговорах будем я, мой переводчик и ты. Оружия с собой брать нельзя. И радиостанцию тоже придётся оставить в гарнизоне... Таково условие с их стороны.

Представив такую ночную поездку по району, напичканному бандами, Игнатенко внутренне поёжился, хотя и был человеком далеко не робкого десятка:

– Ну ты даёшь, Василий Петрович... Ночью в зелёнку и без оружия... – поскрёб он затылок. – Да там за каждым кустом – по душману, и все оружием с головы до ног обвешаны! А мы с тобой даже перочинного ножичка взять не можем...

– На той стороне мне обещали, что всё будет нормально.

– Неужели ты веришь духовским обещаниям? Для них обмануть неверного сродни подвигу...

– Так оно, конечно, но интуиция мне подсказывает, что на этот раз можно поверить...

При слове «интуиция» Игнатенко поморщился, как при зубной боли, хотя и сам на эту капризную госпожу зачастую полагался. Но всё-таки возможность повстречаться с врагом лицом к лицу и без оружия оптимизма у него не вызвала.

– Кстати, объясни, я-то здесь при чём? Это ведь ваши штучки: внедрение, вербовка, тайные переговоры... – как будто ища пути для отступления, поинтересовался он.

– Опять ты прав, Сергей Алексеевич: специальные операции – мой хлеб, – понимающе усмехнулся Василий Петрович и развёл руками. – Но бабаи сказали, что командор шурави-батальона должен быть на переговорах обязательно. Или ты забыл, что сам мне всегда повторял много раз: у тебя – сила, ты – гарант!

Игнатенко нечем было возразить подполковнику. Действительно, у комбата под началом проверенный в боях личный состав и серьёзная огневая поддержка – приданная батарее 122-миллиметровых гаубиц «Д-30» и танковый взвод.

А Василий Петрович продолжал выкладывать аргументы моджахедов:

– Они говорят, дескать, мы командора шурави-батальона в лицо знаем, мы его слову верим. – Он вскинул такие же, как у самого Игнатенко, васильковые глаза, и сказал главное. – Мы, конечно, рискуем, Сергей Алексеевич, но пойми, мил человек, если дело выгорит, столько наших ребят спасём...

– Да к чему столько слов... – устыдился вдруг собственных колебаний Игнатенко. – Раз надо, значит, поедем!

– Ну вот и договорились. Только одна просьба у меня к тебе, Сергей Алексеевич: никому о нашем разговоре ни слова. Даже своему начштаба... Если где-то протечёт, нам просто заруют, а перед этим шкуру с живых снимут.

– Ты всегда находишь, чем успокоить... – настала очередь усмехнуться Игнатенко, но усмешка у него вышла кривою.

Спустя два дня Василий Петрович заглянул во время обеда в офицерскую столовую батальона и шепнул Игнатенко на ухо:

– Сегодня в двадцать два часа выдвигаемся.

– Я буду готов! – кивнул Игнатенко.

В назначенное время они выехали из гарнизона на БТРе комбата и двинулись по трассе в сторону перевала Саланг. Дорога была пустынной. Они проехали по ней километров семнадцать, когда справа хлопнул выстрел и ночную тьму прорезал красный трассер.

– Тормози! – свесившись вниз, приказал Игнатенко водителю.

БТР остановился. Василий Петрович, переводчик и Игнатенко спрыгнули на землю. Из люка высунул голову сержант:

– Товарищ майор, а нам что делать в случае чего?

– Услышите стрельбу, Мирзоев, лупани по зелёнке из всех стволов и немедленно возвращайтесь в гарнизон... – негромко отдал указание Игнатенко.

В это время из темноты вышел весь замотанный в ткани моджахед с автоматом наперевес. Он махнул рукой, призывая следовать за ним, и первым углубился в зелёнку. Парламентёры двинулись следом. Впереди – переводчик, вторым шёл Василий Петрович, замыкал колонну Игнатенко. Сквозь мрачные заросли, рискуя напороться на ветки, шли по каким-то едва заметным и перевитым корнями тропам около полукилометра. Пахло ночной сыростью и свежим кизяком, как будто двигались они по овечьей тропе. Заросли расступились. То слева, то справа стали возникать какие-то едва различимые дувалы, затем снова потянулась зелёнка, и опять дувалы. Спина у Игнатенко, хотя ночь была довольно прохладной, взмокла от напряжения, которое всё нарастало. В душе от неизвестности кошки скребли.

Наконец они подошли к высокому дувалу. Сопровождающий отыскал в нём какой-то узкий проход и первым протиснулся в него. Нырнув следом за ним в тесную щель, парламентёры оказались во дворе перед глинобитной мазанкой. У входа, прикрытого домотканым пологом, топтался вооружённый бородач, показавшийся Игнатенко точной копией сопровождающего. Он узнал проводника, молча откинул полог, предлагая парламентёрам войти. Сопровождающий и охранник остались снаружи.

В помещении, похожем на предбанник, ослепительно ярко после темноты горели свечи. На полу сидели четыре бородастых афганца-бабая, в чалмах, с автоматами на коленях. Ничего не говоря, один из них указал рукой на следующий проём, мол, проходите дальше.

Во второй комнате, с такими же грязными глиняными стенами и низким потолком, так же ярко полыхали свечи. На полу был расстелен толстый ковёр с богатым орнаментом, на котором, поджав ноги, сидели трое бородастых

«духов» в традиционных длинных афганских рубахах до колен, с автоматами «Калашникова» в руках.

Один из моджахедов, очевидно, старший по возрасту, предложил вошедшим сесть, и начался долгий, традиционный обмен приветствиями, которые старательно переводил таджик-переводчик. Отвечая на вопросы о его здоровье, о здоровье его отца и матери, о том, успешны ли его дела и дела его батальона, Игнатенко всё время хотелось ущипнуть себя, настолько сюрреалистической казалась ему ситуация, и только холодные струйки пота, стекающего по спине, убеждали, что всё происходящее – реальность.

Наконец дошло и до сути переговоров. Старший из бабаев неожиданно коротко и ясно, почти слово в слово так, как говорил два дня назад Василий Петрович, изложил их предложения. Подполковник в ответном слове чётко обрисовал видение проблемы и путей её решения со стороны «шурави».

Душман, выслушав его, повернулся к Игнатенко и через переводчика спросил, гарантирует ли командор шурави-батальона выполнение условий заключаемого сейчас соглашения.

Игнатенко молча кивнул.

Моджахеды заулыбались и вознесли хвалу Аллаху.

– Начнём через три дня. К вам прибудет один из нас, чтобы указать цели для удара и место, откуда надо стрелять, – старший душман скосил взгляд на сидящего от него справа бородача.

– Хоп, – согласился Василий Петрович. Это тюркское «ладно» было понятно «духам» и без перевода.

И снова началась длинная церемония – теперь уже прощания. После всех поклонов и пожеланий доброй дороги парламентарии вышли из мазанки, и тот же проводник, что привёл сюда, проводил их назад к дороге. При этом обратный путь показался Игнатенко куда короче, чем прямой. Они благополучно вернулись в гарнизон.

В назначенное время, как и было обещано, к месту дислокации «шурави» приехал один из трёх участвовавших в переговорах главарей. На карте он довольно толково, как будто был выпускником советского военного училища, показал, откуда и куда погонят моджахедов Вакиля Дивана, где командору шурави-батальона лучше разместить орудия и танки, и пообещал, что завтра ровно в семь утра будет ждать на этом месте командора шурави-батальона и его людей.

Всё ещё ожидая от моджахедов подвоха, Игнатенко заблаговременно отправил к месту встречи своих разведчиков, и лишь после их доклада, что засады нет, выдвинулся туда сам.

Остальное происходило в точном соответствии с намеченным планом. «Духи» дружественных бандформирований погнажи «духов» беспредельщика Дивана по ущелью, выдавливая их на окраину кишлака, куда и должен был нанести свой артиллерийский удар Игнатенко. Удар был точным, и следивший в бинокль за тем, как убивают в каньоне его единоверцев, бородачатый главарь, только что стоявший с каменным лицом, вдруг радостно запрыгал, как ребёнок, впервые увидевший праздничный салют. Потом, к восторженному удивлению Игнатенко, он даже совершил какой-то ритуальный танец, прихлопывая в ладоши и напевая что-то себе под нос.

– О чём он поёт? – поинтересовался Игнатенко у переводчика.

– Благодарит Аллаха, что дал ему возможность увидеть смерть его кровного врага Дивана... – пояснил таджик.

Главарь, закончив свой танец с песнопениями так же неожиданно, как начал, долго жал руки Игнатенко и Василию Петровичу, клялся святым пророком Мохаммедом, что все обещания, данные шурави, будут выполнены.

В обещания врага, хоть и оказавшегося временным союзником, верилось с трудом. Но «дух» не обманул. Через неделю он и двое других главарей на «узике» местной администрации отправились в Ташкурган, и Игнатенко снова, теперь уже днём и при оружии, пришлось сопровождать их, как признанному гаранту мирного процесса. Он, в очередной раз рискуя, оказался в самом логове моджахедов этого района. Но не зря говорят, что риск – благородное дело. Дневные переговоры тоже прошли успешно: было заключено мирное соглашение с ташкурганскими моджахедами.

Это соглашение соблюдалось неукоснительно. За всё время, пока Игнатенко командовал батальоном, колонны в его зоне ответственности не подвергались «духовским» обстрелам, а число диверсий на трубопроводе снизилось в несколько раз.

Василий Петрович вскоре после этих событий уехал в Союз по замене, и Игнатенко за время службы в армии с ним больше не встречался.

Сам комбат досрочно получил звание подполковника и после возвращения из Афганистана поступил в военную академию имени Фрунзе, окончил её с отличием и долго командовал мотострелковым полком в Уральском военном округе. В середине девяностых годов, не в силах спокойно взирать на то, что творится с его родной армией, Игнатенко, будучи уже полковником, написал рапорт на увольнение в запас и осел в Екатеринбурге.

Здесь его неожиданно разыскал соратник по Афганистану Василий Петрович. Бывший ГРУшник к тому времени стал генеральным директором одной из региональных нефтяных компаний и предложил Игнатенко пойти к нему начальником службы безопасности. Время тогда было лихое, всюду шёл передел бывшей народной социалистической собственности, ставшей вдруг капиталистической и частной, и даже в центре областного города то и дело звучали выстрелы и лилась кровь.

Игнатенко не раздумывая согласился.

Новая работа, хотя и потребовала новых знаний и навыков, но в целом понравилась ему. Своей непредсказуемостью она напоминала Игнатенко период боевой службы «за речкой», но в то же время требовала и определённых дипломатических навыков, мудрости и выдержки. И того, и другого, и третьего у полковника запаса было предостаточно.

Однажды в служебной командировке в Тобольск, где у Василия Петровича должны были состояться очередные переговоры с деловыми партнёрами, у Игнатенко внезапно случился обширный инфаркт. Он упал на пол и захрипел прямо в приёмной тамошнего начальника, где дожидался выхода своего «шефа». По счастливому стечению обстоятельств «скорая» приехала быстро, городская клиническая больница оказалась рядом, и тобольские врачи были специалистами высокого класса. Им удалось буквально вытащить пациента с того света.

Когда дело пошло на поправку, молодой хирург, делавший операцию Игнатенко, сказал:

– Повезло вам, Сергей Алексеевич. Ещё бы пару минут – и поймать тромб, который оторвался у вас в аорте, мы не успели бы... А сердце-то у вас и так подраненное, всё в рубцах. Как минимум пару микроинфарктов вы когда-то на ногах перенесли... Так что в рубашке вы родились... Но впредь настоятельно рекомендую вам своё сердце поберечь! Регулярно принимайте лекарственные препараты, соблюдайте режим питания и побольше гуляйте на свежем воздухе. И главное – не допускайте впредь физических перегрузок и стрессовых ситуаций...

– Я буду стараться, доктор, – пообещал Игнатенко, не преминув про себя добавить памятное: война план покажет...